

Теория искусства

УДК 7.01

ББК 87.8

DOI: 10.51678/2226-0072-2021-3-44-81

Маньковская Надежда Борисовна

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник,
сектор эстетики, Институт философии Российской академии наук,
Москва
ORCID ID: 0000-0002-3383-0663
mankovskaya.nadia@yandex.ru

Ключевые слова: де Сталь, эстетика, искусство, романтизм, страсть, энтузиазм, духовность, меланхолия, прекрасное, безобразное, сочетание несочетаемого.

Маньковская Надежда Борисовна

Эстетика раннего французского романтизма и ее литературные ипостаси. Жермена де Сталь

В статье реконструируется раннеромантическая философская эстетика госпожи де Сталь, нашедшая воплощение в ее литературном творчестве. Она внесла существенный вклад в создание теории романтизма, сопоставила романтический и классический типы творчества. Де Сталь одна из первых среди французских романтиков использовала сам термин «романтизм», дала его определение и проанализировала с философско-эстетических позиций ряд ключевых для этого нового направления художественной жизни понятий: любовь, страсть, энтузиазм, духовность, чувствительность, рефлексия, саморефлексия, меланхолия, самопожертвование, одиночество, отчуждение, воображение, вдохновение, образность, эстетическое наслаждение, вкус, талант, гений, идеал. Она концептуализировала ту тенденцию, которая в зрелом романтизме станет преобладающей — сочетание несочетаемого, резкие контрасты и трагические столкновения противоположных начал — возвышенного и низменного, прекрасного и безобразного. Особое значение де Сталь придавала национальным особенностям художественного творчества, его укорененности в народной культуре, влиянию на искусство общественных установлений. Она внесла существенный вклад в разработку эстетических аспектов теории литературы, выдвинула инновационный тезис о «метафизическом» языке, отличающем романтический стиль. Эстетический вектор де Сталь устремлен в будущее, связанное с развитием романтического искусства. Все эти идеи отразились в ее литературных произведениях.

Mankovskaya Nadezhda B.

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Aesthetics
Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow
ORCID ID: 0000-0002-3383-0663
mankovskaya.nadia@yandex.ru

Keywords: De Stael, aesthetics, art, romanticism, passion, enthusiasm, spirituality, melancholy, beautiful, ugly, incongruous combination.

Mankovskaya Nadezhda B.

Aesthetics of Early French Romanticism and Its Literary Aspects. Germaine de Stael

The article reconstructs the early romantic philosophical aesthetics of Madame de Stael, which was embodied in her literary work. She made a significant contribution to the creation of the theory of romanticism, compared the romantic and classical types of creativity. De Stael was one of the first French romantics to use the term “romanticism”, define it and analyze from a philosophical and aesthetic point of view a number of key concepts for this new direction of artistic life: love, passion, enthusiasm, spirituality, sensitivity, reflection, self-reflection, melancholy, self-sacrifice, loneliness, alienation, imagination, inspiration, imagery, aesthetic pleasure, taste, talent, genius, ideal. She conceptualized the trend that would become prevalent in mature romanticism — a combination of the incongruous, sharp contrasts and tragic collisions of opposite principles — the sublime and the low, the beautiful and the ugly. De Stael attached particular importance to the national characteristics of artistic creativity, its rootedness in popular culture, and the influence of social institutions on art. She made a significant contribution to the development of aesthetic aspects of literary theory, put forward an innovative thesis about the “metaphysical” language that distinguishes the romantic style. The aesthetic vector of de Stael is directed to the future associated with the development of romantic art. All these ideas were reflected in her literary works.

Страсть, как настоящий тиран, или на троне, или в цепях.

Жермена де Сталь

Те, кто похожи, поймут друг друга.

Жермена де Сталь

Эстетические взгляды госпожи де Сталь отличаются концептуальной выстроенностью. Она сконцентрирована на теоретических проблемах раннего этапа становления французского романтизма, его аналитике. В своих книгах, посвященных преимущественно эстетической проблематике — «О литературе и ее связи с общественными установлениями», «О Германии» и ряде других трудов, — де Сталь одна из первых среди французских романтиков использует сам термин «романтизм»⁽¹⁾, дает его определение и последовательно анализирует с философско-эстетических позиций ряд ключевых для этого нового направления художественной жизни понятий: страсть, энтузиазм, духовность, чувствительность, рефлексия, саморефлексия, меланхолия, самопожертвование, одиночество, воображение, вдохновение, талант, гений. Особое значение она придает национальным особенностям художественного творчества, влиянию на искусство общественных установлений. Все эти идеи находят воплощение в ее литературных произведениях.

Баронесса Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (1766—1817) родилась в Париже. Она была дочерью Жака Неккера, министра финансов при дворе Людовика XVI. Это была впечатлительная, экзальтированная девочка, еще в отрочестве с интересом наблюдавшая за тем, что происходило в салоне ее матери, который посещали многие литературные знаменитости того времени. Мать воспитывала ее в строгих кальвинистских традициях, ставя во главу угла чувство долга и самодисциплину, и девочка тянулась не к ней, а к отцу, с радостью и без предвзятости обсуждавшему с ней все интересующие ее темы [29; 43; 50; 54]. Она увлеченно читала произведения Данте, Шекспира, Руссо. В Жермене рано проснулся литературный и исследовательский дар. В пятнадцатилетнем возрасте она составила замечания к фи-

Илл. 1. Мария-Элеонора Годфруа. Портрет госпожи де Сталь. 1813. Версальский дворец. Версаль.

Илл. 2. Луи Каррожи Кармонтель. Портрет Жермены Неккер. 1781. Частная коллекция

нансовому «Отчету» своего отца, а проштудировав «Дух законов» Ш. Монтескье, сделала из него выписки с собственными комментариями. Несколько позже она познакомилась с философией эмпиризма Ф. Бэкона и Д. Локка. В юности ею были написаны несколько повестей и пьес в сентименталистском духе.

В двадцатилетнем возрасте Жермена по настоянию матери, не одобрявшей ее первого романтического увлечения, вышла замуж за шведского посланника в Париже барона Эриха Магнуса Сталь фон Гольштейна, на восемнадцать лет старше ее. Когда началась Французская буржуазная революция, Неккер, а несколько позже (в 1792 году) и его дочь вынуждены были бежать из Франции. Жермена нашла приют в Англии, а в 1793 году обосновалась в Швейцарии, в родовом замке Коппе, расположенном на берегу Женевского озера, где после смерти матери жила вместе с горячо любимым и почитаемым ею отцом (в 1804 году она издала посвященный ему труд «Частная жизнь господина Неккера»), принимая у себя многих деятелей литературы

(1) Термин «романтизм» ввел в научный оборот известный немецкий мыслитель, писатель, лингвист, теоретик эстетики романтизма Фридрих Шлегель [см.: 3; 4; 40; 53].

Илл. 3. Ульрика Фредерика Паш. Эрих Магнус фон Сталь. 1796. Национальный музей Швеции. Стокгольм

и искусства. Здесь в 1794 году она познакомилась с Бенжаменом Констаном, с которым ее на долгие годы связали бурные любовные и творческие отношения [51].

После Термидора де Сталь вернулась во Францию. В Париже в ее блестящем салоне, унаследованном от матери, встречались многие значимые фигуры литературной и политической и жизни, в которой сама де Сталь принимала активное участие (среди его постоянных посетителей были Ш. Талейран, Ж.Ш. Сисмонди, Б. Констан, Э.-Ж. Сийес, Д. Ж. Гара, К. Форбель; салон мадам де Сталь посещал Александр I во время своего пребывания в Париже в 1814 году). Она заявила о себе как эстетик, теоретик литературы и писательница книгой «О литературе и ее связи с общественными установлениями» (1800) и романом «Дельфина» (1802).

Для госпожи де Сталь были неприемлемы как абсолютная монархия, так и империя Наполеона. Она придерживалась либеральных взглядов, выступала за конституционную монархию [45]. Наполеон и де Сталь были непримиримыми врагами, и в 1803 году она была изгнана из Парижа [47]. Вместе с Б. Констаном она путешествует по Германии, где знакомится с И.В. Гёте, Ф. Шиллером, И.Г. Фихте,

Илл. 4. Замок Коппе. Коппе, Швейцария

Илл. 5. Неизвестный художник. Портрет Бенжамена Констан. Ок. 1815. Музей Карнавале. Париж

В. Гумбольдтом, А. Шлегелем и Ф. Шлегелем. Глубокое впечатление, произведенное на де Сталь немецкой эстетикой и искусством, нашло отражение в книге «О Германии», представленной в издательство в 1810 году и с трудом прошедшей цензуру. Однако тираж был уничтожен (книга была заклеена министром полиции Р. Савари как «не французская»⁽²⁾); она была напечатана в Лондоне в 1813 году, на родине же увидела свет еще год спустя). Результатом ее поездки в Италию стал роман «Коринна, или Италия» (1807).

Де Сталь была вынуждена снова вернуться в Коппе. Она познакомилась с молодым офицером Альбером де Рокка, младше ее на двадцать три года, вернувшимся из испанского похода и лечащимся от ран в Женеве — они тайно обвенчались. Но в 1812 году ей пришлось бежать и из Коппе — ее преследовали верные Наполеону швейцарские власти,

⁽²⁾ «Я счел, что воздух нашей страны Вам не подходит, мы же не дошли еще до того, чтобы брать за образцы народы, кои Вас приводят в восхищение. Последнее сочинение Ваше писано не французским пером». (Министр полиции Савари — г-же де Сталь, 3 октября 1810 года.) Это письмо было напечатано г-жой де Сталь в предисловии к книге «О Германии», вышедшей во Франции после падения Наполеона.

Илл. 6. Пьер-Луи Бувье. Портрет Альбера-Жана-Мишеля де Рокка с его боевым конем Султаном. 1811. Женевский музей искусства и истории. Женева

и она через Австрию направилась в Россию, куда и прибыла 14 июля, в день взятия Бастилии — война с Наполеоном уже началась. Здесь ее ждал радужный прием, она была представлена царской чете, окружена вниманием и почетом как со стороны придворных кругов, так и цвета петербургской художественной жизни [8; 27]. В день Бородинского сражения де Сталь покинула Петербург и после пребывания в Швеции перебралась в Англию, где познакомилась с лордом Байроном [42; 55]. Здесь она оставалась до поражения Наполеона и его заключения на острове Эльба. Наконец, после десятилетнего изгнания, она смогла вернуться в Париж. Этому периоду в ее жизни посвящена книга «Десять лет в изгнании» (издана в 1821) [30; 49], во второй части которой де Сталь описала свои впечатления о России. События реакционного характера во Франции, последовавшие после Реставрации, вызвали у нее резкое неприятие. На этой ноте она завершила свой труд «Рассуждения о главных событиях французской революции» (издан в 1818), в котором делается основной акцент на главной цели революции — необходимости завоевания народом политической и духовной свободы. В день 28-й годовщины Французской буржуазной революции, 14 июля 1817 года, Жермены де Сталь не стало.

Эстетика госпожи де Сталь является своего рода связующим звеном между просветительскими идеями и тем новым романтическим художественно-эстетическим миром, которому она, как и другие ранние французские романтики — Р. де Шатобриан, Б. Констан, П.С. Балланш, Ж. Жубер — пролагает путь, прочерчивая в его русле свою оригинальную траекторию. Истоки романтического настроения в искусстве, преимущественно словесном, де Сталь усматривает, с одной стороны, в литературе народов севера Европы, а с другой — в художественных традициях Средневековья. Что касается первого аспекта, то она вполне определенно говорит о двух совершенно различных европейских литературах — той, что появилась на Юге, началась с Гомера (греческая, итальянская, испанская и французская литература эпохи Людовика XIV), и литературе, возникшей на Севере, родившейся из песен Оссиана, поэзии шотландских и скандинавских бардов, исландских саг (английские, немецкие, датские и шведские сочинения). Отдавая дань географической школе Ш. Монтескье, она выражает уверенность в том, что климат является одной из основных причин тех различий, которые существуют между образами, близкими Северу, и теми, которые нравятся на Юге, между силой первых и мягкостью вторых. Южный климат способствует изнеженной созерцательной жизни, восторженности характеров и пылкости темперамента, броской яркости эстетических вкусов. Северянам же присущи меланхоличность, правдивость, целомудрие, верность слову, храбрость, развитое чувство долга; христианство приучило их не бояться страданий и смерти — все эти качества воплощаются в их литературном творчестве: «Жителей Севера меньше занимают удовольствия, чем страдание, и их воображение от этого лишь богаче. Зрелище природы сильно впечатляет их, это впечатление подобно самой природе тех краев, всегда сумрачных и туманных. Конечно, в различных жизненных обстоятельствах эта склонность к меланхолии может быть разной, но именно в ней проявляется национальный дух» [34; 16]. Связующим звеном между народами Севера и Юга стало христианство — «оно как бы сплывило в общем мировоззрении противоположные нравы и, сблизив врагов, образовало из них нации, в которых сильные люди наделяли образованных сильным характером, а образованные развивали ум сильных людей...» [34, с. 375—376]. Де Сталь убеждена в том, что христианство в период его

утверждения было совершенно необходимо для смешения северного духа с нравами юга: оно способствовало развитию способностей ума к наукам, метафизике и нравственной философии.

Де Сталь отдает предпочтение литературе Севера: «Невозможно сделать объективный выбор между двумя этими видами поэзии, первыми образцами которой можно считать Гомера и Оссиана. Все мои чувства, все мои мысли заставляют меня предпочесть литературу Севера...» [34, с. 377]. В англичанах ее прежде всего привлекает философический склад ума. В немцах же — искренность, чувствительность, меланхоличность: «Немцы, у которых сочетается одновременно все, что бывает очень редко: воображение и сосредоточенность, в большей степени, чем многие другие народы, способны к лирической поэзии» [33, с. 384]. Как и Бенжамен Констан, она находит источник романтических настроений именно в немецком искусстве, контрастирующем своей энтузиастичностью рационалистическому духу последователей принципов французского классицизма [13; 14; 18].

Что же касается второго аспекта, связанного с художественными традициями Средневековья, то здесь немецкая поэзия выступает воплощением христианской эры в искусстве: «эта поэзия пользуется нашими личными впечатлениями, чтобы взволновать нас: вдохновляющий ее гений обращается непосредственно к нашей душе и, кажется, воскрешает саму нашу жизнь как призрак, самый могущественный и самый ужасный из всех» [33, с. 387]. Де Сталь констатирует, что само слово «романтический» было не столь давно введено в Германию для обозначения поэзии, истоком которой была поэзия трубадуров, возникшая в эпоху христианства и рыцарства. Вынося философско-эстетические суждения о вкусах в древности и в Новое время, о поэзии классической и романтической (идею их соотношения и противопоставления она также заимствовала из немецкой эстетики, понимавшей под поэзией всю словесность как таковую), де Сталь исходит из того, что всю область литературы поделили между собой язычество и христианство, Север и Юг, Античность и Средние века, рыцарство и греко-римские установления.

Размышляя о соотношении двух типов поэтического творчества — классическом и романтическом — де Сталь замечает, что «классическое» в ее понимании не тождественно «совершенному». Под классической она имеет в виду поэзию античной древности,

романтической же считает ту, что так или иначе связана с традициями рыцарских времен. В этом отношении ее позиция перекликается с эстетическими взглядами Рене де Шатобриана, которому были присущи углубленное внимание к духу христианства, повышенный интерес к средневековому искусству [38; 19]. Деление на поэзию классическую и романтическую она относит и к двум мировым эрам: языческой («путь классической поэзии к нам лежит через языческие реминисценции» [33, с. 387]) и христианской. Их коренное различие она видит в переходе от стихийного материализма древних, находящихся художественное воплощение в скульптуре, к мистическим верованиям, вдохновляющим романтическую поэзию и живопись — это путь от природы к Богу. В эпических поэмах и трагедиях древних де Сталь усматривает некую упрощенность, вызванную тем, что люди в ту пору были слиты с природой и верили, что зависят от судьбы, так как природа связана с необходимостью, и поэтому овеществляли свою духовную жизнь: «даже совесть представлялась как нечто предметное, и муками ее были факелы фурий, обрушивающиеся на голову виновного» [33, с. 385].

С такими принципиальными различиями связана специфика художественных приемов классической и романтической поэзии: в одной властвует рок, безразличный к человеческим чувствам, в другой — Провидение, судящее о делах людей лишь по их чувствам. Это два сущностно различных поэтических мира: одно дело, когда речь идет о слепой и глухой судьбе, вечно противоборствующей смертным, другое — о разумном божественном порядке, обращенном к человеческой душе и находящем в ней отклик. В соответствии с этим языческая поэзия исполнена первобытной силы, совершенна в художественном отношении. Она проста и выпукла, как предметы внешнего мира, но в этой простоте сокрыта полнота жизни: «беспокойная рефлексия, которая часто терзает нас, как гриф Прометея, показала бы лишь безумием при той простоте и определенности отношений, которые существовали в гражданском и общественном строе древних» [33, с. 385]. В новое же время такая простота искусства обернулась бы сухостью и схематизмом. Христианской поэзии необходима вся цветовая палитра для изображения многообразия глубоких человеческих чувств и потаенных переживаний, жизни души. Честь и любовь, мужество и сострадание, проявляющиеся в подвигах,

опасностях, любовных историях, бедствиях — чувства, которые отличают эпоху христианского рыцарства. Де Сталь полагает, что именно такой настрой предопределяет романтическую занимательность литературы Нового времени, требующей многообразных средств художественного выражения для полноты раскрытия бесконечных оттенков внутренней жизни человеческой души.

Для разных наций характерна приверженность первому либо второму типу поэтического творчества. Французы предпочитают классическую поэзию, чей образец для подражания — античная мифология, поэзия древних греков и римлян. Англичане же тяготеют к романтической, рыцарской поэзии, основанной на средневековых преданиях и чудесах. Различие вкусов в этом отношении связано с изначальным строем мыслей и воображения, характерных для представителей той или иной нации. Де Сталь приходит к выводу о том, что выбирать следует не между классической либо романтической поэзией, а между подражательностью первой и самобытным духом второй. Она исходит из того, что литература древних в ее время является «пересаженной» литературой: «Все еще стремясь использовать античную мифологию, мы действительно впадаем в детство на старости лет... <...> Античная мифология ни создана писателями нового времени, ни прочувствована ими. <...> Поэтические картины, заимствованные у язычников, — это лишь подражание подражанию, изображение такой действительности, которая пропущена сквозь восприятие других» [34, с. 381—382]. Когда литераторы проникаются исключительно образцами драматургического искусства Античности, когда подражают подражателям, тогда уменьшается оригинальность произведения, не видно гения, пишущего с натуры. Романтическая же литература, произрастающая из рыцарской поэзии, является для французов коренной, ибо именно христианская религия и сложившиеся на этой основе общественные институты обеспечили ее расцвет, соответствующий эволюции человеческого духа: «Романтическая литература — единственная, которая еще может совершенствоваться, она уходит корнями в нашу почву, и поэтому она одна может дальше расти и обновляться: она выражает нашу веру, она напоминает нам о нашей истории; истоки ее в древности, но не в античности» [33, с. 387]. Эстетический вектор де Сталь устремлен не в прошлое, как у Шатобриана, а в будущее, связанное с развитием романтического

искусства: «сравнивая наши богатства с богатствами древних, не будем падать духом в бесплодном восхищении прошлым, напротив, ободримся надеждой — и в творческом воодушевлении объединим наши усилия, развернем паруса — быстрый ветер увлекает нас в будущее» [34, с. 376].

Еще одним аргументом, который де Сталь приводит в пользу романтической литературы, является ее укорененность в народной культуре. Поэтические произведения, созданные по образцу античных, редко оказываются народными, какими бы совершенными они ни были, в силу того, что они не содержат в себе ничего национального: «Французская поэзия, будучи самой классической из всей современной поэзии, одна не распространена среди народа... ибо во Франции искусство не родилось, как в других странах, там, где совершенствуется его красота» [33, с. 387]. А стансы Тассо поют венецианские гондольеры; испанцы и португальцы всех слоев общества знают наизусть стихи Кальдерона и Камюэнса. То, что Шекспиром в Англии восхищаются и высшие классы, и простой народ, де Сталь объясняет тем, что Шекспир не подражал древним, но явился зачинателем новой литературы: «его творчество, безусловно, отмечено общим духом поэзии Севера, окрашено в ее тона, но именно он дал толчок английской литературе и наделил отличительными чертами английское драматургическое искусство» [34, с. 379]. Эти отличительные черты она связывает с созданием Шекспиром образа романтического героя, которому присуща высшая степень нравственных страданий, вся горечь муки в наиболее критических жизненных ситуациях — безумии от горя и одиночестве в несчастье. При этом Шекспир сострадал не условно трагическому великому человеку, а просто человеку, причем изображенному с натуры.

Сопоставляя английские и французские драматургические приемы, де Сталь отмечает, что на французской сцене существуют суровые правила приличия даже для изображения страдания: оно одно заполняет собой всю сцену; страдающий человек предстает в сопровождении друзей и под взглядами врагов. Шекспир же верно и удивительно сильно изобразил одиночество, ведущее к безумию, создал величественную картину крушения человеческого духа, когда жизненная буря превосходит его силы. Инновационным моментом в рассуждениях де Сталь по этому поводу является ее акцент на фено-

мене отчуждения: «Наряду с мучительным страданием он (Шекспир. — *Н.М.*) показывает отчужденность людей и бесстрашие природы... Вот здесь и проявляется знание того, что наиболее мучительно для человека, что делает его страдание невыносимым» [34, с. 380].

В отличие от других ранних романтиков, считавших философичность противопоставленной искусству, де Сталь в своих размышлениях об искусстве постоянно апеллирует к философии. Она полагает, что писатели Нового времени и особенно Шекспир находят самые глубинные истоки страдания в его философской необходимости: «Эта необходимость связана с памятью о стольких непоправимых бедах, стольких тщетных усилиях, стольких обманутых надеждах!» [34, с. 379]. Не так у древних, которые верили в рок, разящий и испепеляющий, словно молния; они жили в еще юном мире, у них была еще очень недолгая история, они были слишком устремлены в будущее, чтобы то страдание, которое они изображали, стало когда-либо таким всепоглощающим, как в английских драмах.

Истинная цель современной поэзии, по де Сталь, — при помощи новых, правдивых образов пробудить в людях интерес к присутствующим им, но не вполне осознанным мыслям и чувствам: «поэзия, как и все, что относится к области мысли, должна идти в ногу с философией века» [34, с. 382]. А ближе всего к философии меланхолическая поэзия, из чего она заключает, что пронизанная грустью литература Севера с ее склонностью к темным образам, культом памяти и загробной жизни в наибольшей степени соотносятся с философскими идеями.

Де Сталь концептуализирует новые для французской литературы ее времени мотивы романтической разочарованности в жизни, столь проникновенно звучащие в повести «Рене» Шатобриана и романе «Адольф» Констана. Она стремится осмыслить присутствующим романтическим героям культ мечтательности и меланхолии, видя его источник в неудовлетворенности прозой обыденной жизни тонко чувствующего человека, уносящегося в мечтах в воображаемые счастливые миры: «В эпоху, в которую мы живем, меланхолия является подлинным источником вдохновения для таланта: кого не коснулось это чувство, не может рассчитывать на большую славу как писатель; только этой ценой она покупается» [34, с. 383].

Де Сталь говорит о том, что с философских позиций «неудовлетворенность жизнью может вдохновить на прекрасные чувства; все

созерцается с некоей высоты; все изображается яркими красками. У древних поэт был тем лучше, чем восторженнее было его воображение. В наши дни поэт должен утратить и свои надежды, и веру в разум, только тогда его философский ум сможет произвести большое впечатление. Необходимо, чтобы... призыв к глубоким раздумьям сердца заставил бы нас почувствовать в поэте мыслителя» [34, с. 382—383]. Привычка к постоянному самоуглублению, восходящая у христианина к потребности в покаянии, — еще одно отличие человека нового времени от людей древности, обладавших своего рода «телесной душой», все движения которой были сильны, непосредственны и закономерны. Де Сталь глубоко убеждена, что «печать бессмертной сущности человека в том, что плотская жизнь ценится им лишь при наличии духовного счастья» [32, с. 370]; «чтобы понять подлинное величие лирической поэзии, нужно вознестись мечтой в небесные сферы, забыть шум земли, слыша божественную музыку, и воспринимать всю вселенную как символ духовной жизни» [33, с. 384].

Отчетливо прозвучавшая в эстетике де Сталь мысль о духовности романтического искусства обуславливает то внимание, которое она уделяет стремлению человека постичь собственную душу путем рефлексии и саморефлексии. Анализ мучительных переживаний у героя «Страданий юного Вертера» Гёте как раз и раскрывает, согласно де Сталь, суть «рефлектирующей страсти» — страсти, которая сама себя судит, осознает, но не может себя умирить; возвышенного союза мыслей и чувств, горячности и рассудительности. При этом она тонко ощущает ту тенденцию, которая в зрелом романтизме станет превалирующей — сочетание несочетаемого, резкие контрасты и трагические столкновения противоположных начал — высокого и низкого, прекрасного и безобразного: «вы находите у себя недостатки, которые отвращают вас от себя так же, как от других, и которые заставляют отчаиваться в идее совершенства, вы ей поначалу гордились» [32, с. 365]; «но ничто так особенно не волнует, как это сочетание рассудочности и отчаяния, пронизательности и умопомрачения. Так предстает перед нами несчастный, созерцающий умом свое горе и погибающий под его тяжестью, способный сам о себе судить и достаточно сильный, чтобы наблюдать за своими страданиями, и все же не умеющий принести своей душе хоть какое-то облегчение...» [34, с. 381].

Главным предметом самоанализа, согласно де Сталь, выступает страсть. Проведенный ею анализ страстей — еще один существенный вклад в эстетику раннего романтизма: ведь для романтического героя возможны лишь два состояния: или он уверен в том, что сам себе хозяин, и тогда он бесстрастен, или чувствует, что над ним властвует сила, которая выше него, и тогда он полностью зависит от нее. При этом компромиссы со страстью невозможны: «страсть, как настоящий тиран, или на троне, или в цепях» [32, с. 366]. Возвращаясь и в данном контексте к сопоставлению Севера и Юга, де Сталь считает ошибочным утверждение, что южные страсти сильнее, чем на Севере. Ведь яркая природа Юга побуждает скорее к деятельности, чем к размышлениям; Югу присуща большая широта интересов, но там меньше сосредоточенности на одной мысли, а ведь именно постоянство, подчеркивает она, рождает необычайные страсть и волю: «...признаю, что в страсти есть нечто великое, что она возвышает человека; он исполняет почти все, что задумывает, — настолько твердая и последовательная воля — это действенная сила в нравственном отношении! Человек, увлекаемый чем-либо, что сильнее его, живет на износ, но и больше получает от жизни. Если признать, что душа — это всего лишь побудительная сила, то эта сила очень велика, когда она направляется страстью» [32, с. 365].

Жить на износ, но и больше получать от жизни... Эта жизненная установка романтического героя возможна только благодаря его энтузиазму — еще одной важной категории, которую Де Сталь утверждает в эстетике романтизма. Она четко разграничивает энтузиазм и фанатизм. В отличие от фанатизма — страсти, основанной исключительно на одном единственном убеждении, энтузиазм тождественен мировой гармонии; в этом переживании сливаются воедино величие и покой, любовь к прекрасному, душевный подъем, радость самопожертвования — в нем есть что-то божественное: «энтузиазм сочетает в едином порыве различные чувства; энтузиазм — это кафельный дым, идущий от земли к небу; он соединяет их друг с другом» [33, с. 390]. Понятие энтузиазма присуще как эстетике, так и этике, тесно связано с единством красоты и блага: энтузиазм то же по сравнению с совестью, что честь по сравнению с долгом — душевная щедрость побуждает человека посвятить себя тому, что прекрасно, когда исполнено то, что хорошо: ведь счастье невозможно без добродетели: «поэтический

гений — это внутреннее расположение души, которое сродни тому, что рождает способность к благородному самопожертвованию: мечтать о героизме — это то же, что сочинить прекрасную оду» [33, с. 383]. Как прекрасные поступки, так и проникновенное художественное слово происходят из единого источника — чувства прекрасного.

Энтузиазм связан с максимальным напряжением душевных сил, но он и восполняет их, наполняя душу блаженством, причастностью возвышенному и бесконечному, которое «в области метафизики называется врожденным предрасположением, в области морали — самопожертвованием, в искусстве — идеалом, в религии — божественной любовью» [33, с. 388]. Размышляя о чувстве бесконечного, де Сталь, знакомая с трудами Канта и нередко ссылающаяся на него, почти дословно повторяет некоторые мысли немецкого философа о «звездном небе над головой» и «нравственном законе во мне»: «Когда мы созерцаем звездное небо, где крупинцы света — это такие же вселенные, как наша, где сияющая пыль Млечного пути образует на небосводе дорогу из миров, наша мысль теряется в бесконечности, наша душа рвется к неизвестности, и мы чувствуем, что лишь за пределами земного бытия должна начаться наша подлинная жизнь...» [33, с. 388]; «лесная глушь, безграничный океан, звездное небо едва могут передать то вечное и беспредельное, что переполняет христианскую душу» [33, с. 384]. Она разделяет идеи Канта о том, что восхищение и наслаждение, которое доставляют красноречие, изящные искусства, все выдающиеся творения мысли, связано с потребностью человека раздвинуть рамки бытия⁽³⁾: «эти рамки, мучительно сжимающие наше сердце, на несколько мгновений исчезают от смутного волнения, возвышенного переживания, душа переполняется тем неизъяснимым чувством, которое рождает в ней все высокое и прекрасное; и земные пределы исчезают, когда нашему взору предстает величественный путь гения и добра» [34, с. 382]. Из чувства бесконечного рождается и тот восторг, который вызывает идеал прекрасного.

Тема соотношения возвышенного и прекрасного, подробно разработанная в эстетике Канта, переосмысливается де Сталь в роман-

(3) Идея о том, что только художественная культура и искусство оправдывают и закрепляют человеческое существование, расширяют его пределы, будет в XX веке развита в творчестве М. Пруста, Ж.-П. Сартра, А. Камю.

тическом ключе. Она развивает свою мысль о том, что литературы Севера, восходящие к Оссиану, имеют нечто общее, заключающееся в поэтической возвышенности ума, чувств и действий, порожденной стремлением дать свободу воображению, которому нравятся берег моря, шум ветра, дикий вереск, и однако оно увлекает северян «за пределы земли, на которой они обитают; оно устремляется за облака, окаймляющие горизонт и словно образующие туманный переход от жизни к вечности» [34, с. 377]. Страстным, пылким и одновременно меланхолическим душам доставляет наслаждение все возвышенное, чуждое приземленной обыденности и расчету — героические поступки, восторженное красноречие, жажда славы: «Именно это расположение духа, источник всех возвышенных страстей и всех философских мыслей, с особой силой воспламеняет поэзию Севера...» [34, с. 378].

Занимает де Сталь и соотношение двух других эстетических категорий — трагического и комического. Она подчеркивает родство трагического и возвышенного, говоря о том, что страдание для древних было столь величественно, что они собирали слезы в священный сосуд. Однако в XIX веке возродить такие практики невозможно, поэтому надо использовать те драматургические средства, которые напоминают людям об их собственном опыте. Но делать это следует с осторожностью, памятуя о том, что театр — облагороженная жизнь, но это жизнь, и если самая обыденная ситуация контрастно выделяется на фоне величественных событий, нужно использовать весь свой талант, чтобы представить ее на сцене, раздвинув рамки искусства и при этом не оскорбляя вкуса. Де Сталь, так же как и Б. Констан, не приветствует обращение к александрийскому стиху, считая его напыщенным. Она подчеркивает тот высокий эффект, какого умел достичь Шекспир, искусно вводя в ткань своих трагедий просторечия, обыденность и другие элементы комического, и сетует на то, что французский театр все еще не осмеливается допустить их на сцену. В отношении театральных новшеств де Сталь мягче и терпимее, чем Р. де Шатобриан и Б. Констан, однако и она не приветствует резкое чередование на театре трагических и комических сцен. И если при обращении к теме саморефлексии вполне допускает сочетание несочетаемого, то в эстетической сфере контраст высокого и низкого считает ошибкой вкуса, уступкой массовым предпочтениям: «Высокий стиль подразумевает некоторые оттенки, но слишком резко сочетать

его с низким стилем — просто нелепо. Каламбуры, непристойные двусмысленности, прибаутки, поговорки постепенно накапливаются у древних народов, составляя, так сказать, его образный языковой фонд, переходящий по наследству от поколения к поколению. Ко всем этим средствам, которые приветствует масса, разум относится критически» [34, с. 379].

Тем не менее де Сталь оговаривается, что хотя дар творчества рисует современному художнику чистые и сияющие картины идеального мира, его воображение не может опираться ни на какие иллюзии: оно должно питаться подлинными переживаниями — необходимо лишь, чтобы объект воодушевления был одобрен и осознан рассудком. Однако и глубины идей для художественного творчества тоже недостаточно — оно не существует без образности. Де Сталь проводит отчетливую грань между художественным образом и аллегорией, видя в последней ложный путь воздействия на воображение. Она отторгает примитивно понятый мимесис, подчеркивая, что искусство ничего не пересказывает, оно не ограничено пространственно-временными рамками, позволяет воспарить над обыденностью. Подлинный дух поэзии рождает возвышенные грезы, энтузиастический чистый восторг, дар выражения которого принадлежит гению. Поэтический настрой влечет к природе и уединению.

Обращаясь к теме природы в лирической поэзии, де Сталь сравнивает трепет, который вызывает красота природы, и волнение от стихов, изображающих этот трепет, с действием, оказываемым губной гармоникой: «Душа, слегка колеблемая, наслаждается продолжительностью этого состояния, пока его возможно вынести» [34, с. 378]. Чтобы узреть в природе возможность олицетворения своих чувств и мыслей, художнику необходимо возвысить ее в своих глазах. Лучше всего, полагает де Сталь, это удастся немецким поэтам. Сопоставляя их творчество с античной поэзией, в которой также одушевлялась природа (в водах обитали нимфы, в лесах — дриады), но и сам человек становился частью природы, как бы напоминая своими действиями поток, молнию, вулкан, она видит преимущество немецкой поэзии в том, что ее создатели относятся к природе по-братски, как если бы родственные узы связывали их с воздухом, водой, цветами, деревьями — со всей изначальной красотой творения. Это происходит благодаря присущему немецким поэтам энтузиазму,

их неутилитарному отношению к природе: «Что бы ответили море и звезды на ограниченные, обыденные запросы каждого? Но если душа наша взволнована, если она ищет божество во вселенной, если она также хочет славы и любви, то с ней говорят облака, потоки позволяют вопрошать себя, а ветер в зарослях вереска, кажется, достаивает нас речи о том, что мы любим» [33, с. 391].

Продолжая сравнение немецкой литературы с античной, де Сталь высказывает принципиальную для эстетики раннего французского романтизма мысль о том, что в отличие от античной литературы, где главным было событие, в новое время большее место занимает характер (аналогичной позиции придерживался Б. Констан, придававший первостепенное значение действительному раскрытию в драматургии неповторимого индивидуального характера персонажа в его целостности, включая национальные черты; события же мыслятся как естественные следствия свойств характера). Так, Вертер, олицетворяющий немецкий характер, становится его жертвой: истоки его несчастья — «безрассудства энтузиазма», описанные Гёте с потрясающей правдивостью.

На примере анализа «Страданий юного Вертера» де Сталь приходит к еще одному важному для романтиков выводу о влиянии общества на художественную жизнь. Здесь она также солидаризируется с Б. Константином, убежденным в том, что «общество, подавляющее человека и надевающее на него ярмо» [14, с. 283], играет в жизни и в искусстве приоритетную роль, оказывая мощное воздействие на характеры и страсти. На примере «Вертера» «видно, какой вред может нанести сильному уму порочный общественный строй» [34, с. 380], подчеркивает де Сталь, размышляя о литературе и ее связи с общественными установлениями: проблема героя гётевской драмы — не муки любви, а «острое чувство унижения и глубокое неприятие иерархического высокомерия, которое является причиной этого унижения...» [34, с. 380—381].

Придерживаясь позиций либерализма во взглядах на общественную жизнь, де Сталь делает акцент на проблеме человеческой свободы [41]. Целью государственного устройства она считает счастье народа, средством его достижения — свободу как результат духовной независимости человека; последняя должна стать главным объектом изучения морали. Причем речь не идет об абстрактной свободе и полном счастье

человека — оно недостижимо. «Таким образом, законодатели должны сообразовываться с обстоятельствами, управлять ими, а отдельные личности — стремиться к независимости от них; правительства должны заботиться о реальном счастье всех, а моралисты — учить людей обходиться без счастья» [32, с. 363].

Как эстетик и автор получивших широкую известность романов, де Сталь размышляла об особенностях этого литературного жанра. Она подразделяла основанные на авторском вымысле романы на чудесные и аллегорические, адресованные наивному воображению; исторические, основанные на исторических фактах; «естественные», соединяющие в себе плоды фантазии с чертами подражания реальному миру. Ей импонируют «естественные» романы в просветительском духе — именно они правдоподобны, хотя и не истинны в смысле своей вымышленности.

Комплекс своих эстетических идей де Сталь попыталась реализовать в собственном литературном творчестве. Еще в ее ранних произведениях — «Мирза», «Аделаида», «Мелина», «Софи, или Тайные чувства» ощущалось сильное влияние сентиментализма Ричардсона и идей Руссо о возврате к природе, его педагогических взглядов (в 1788 году де Сталь посвятила ему очерк «Письма по поводу характера и сочинений Жан-Жака Руссо» [15; 17]). Влияние идей «Новой Элоизы», а также «Страданий молодого Вертера» Гёте чувствуется и в принесших ей известность романах «Дельфина» (1802) [57] и «Коринна, или Италия» (1807) [31].

Роману в письмах «Дельфина» предпослан эпитафия, воспроизводящий сентенцию матери автора: «Мужчина должен уметь бросать вызов общественному мнению, женщина — покоряться ему». Весь строй книги свидетельствует о неприятии де Сталь такого наставления. Для нее характерна критика общепринятых моральных норм, связанных, в частности, с неприятием разводов католической церковью, их осуждением общественным мнением, игнорирующим чувства «живого существа». Страстная любовь умной, решительной, независимой Дельфины к Леонсу — трагическое чувство, роковым образом калечащее ее жизнь, иссушающее сердце: идеальные влюбленные не могут соединиться из-за нерасторжимости брака Леонса с добродетельной и покорной, но нелюбимой Матильдой. Когда же тот становится вдовцом, их союз оказывается невозможным: Дельфина

Илл. 7. Франсуа Жерар. Коринна на Мизенском мысу (Портрет де Сталь в образе Коринны). 1819. Лионский музей изящных искусств. Лион.

уже постриглась в монахини. Страсти в этом романе фатальным образом сопутствуют страдания, окутывающие любовное чувство романтическим меланхолическим флером.

Героиня второго романа де Сталь «Коринна, или Италия» — живущая в Риме двадцатилетняя победительная красавица, непревзойденная талантливая импровизаторша, пользующаяся всеобщим поклонением. Ее чувствительный, гордый и страстный характер — залог как ее счастья, так и несчастья. Все в ней загадка — и ее происхождение, и истоки взглядов и поведения, независимых от мнения окружающих. Коринне в высшей степени присущ энтузиазм, с которым она отдается искусству — живописи, музыке, поэзии, любованию великолепной итальянской природой, общению с людьми [21]. Она прекрасно образована, начитанна, сведуща в древней истории,

с упоением и знанием дела рассказывает о великом прошлом Италии, духе ее народа своему новому поклоннику, английскому лорду Освальду Нельвилу — меланхоличному, нелюдимому, в свои двадцать пять лет уже разочарованному во всех и вся (их долгие прогулки по Риму и его окрестностям — прекрасный повод для автора выразить свое восхищение Италией, познакомить читателей с ее культурой и искусством: де Сталь создала своеобразный роман-путешествие⁽⁴⁾). Фигуры Коринны и Освальда олицетворяют два разных национальных характера и, шире, — Север и Юг, их взаимное притяжение и неизбежное отталкивание. Оба они — романтические герои, но это своего рода полюса романтического мироощущения. Коринна восхищается искусством и сама наделена творческими способностями, тяготеет ко всему прекрасному и возвышенному, она бескорыстна, благородна, готова пожертвовать ради любви к Освальду всем, что имеет. Лорд Нельвил же считает поэзию, живопись, музыку украшением жизни, а не самой жизнью, он слишком зависим от мнения окружающих, и хотя влюблен в Коринну, очарован ею, горд ее триумфами, сам предпочел бы практически полезные занятия, и поэтому подумывает о возвращении в Англию, где мог бы вести серьезную деятельную жизнь. И действительно, он возвращается на родину, к чему его побуждает не только ярко выраженный национальный характер, но и неясность по поводу происхождения Коринны, в котором она не решается ему признаться — на самом деле она оказывается знатной и богатой полуангличанкой — полуйтальянкой, оказавшейся в Италии в силу запутанных семейных обстоятельств. В результате ряда перипетий он женится на молоденькой благовоспитанной англичанке Люсиль, которую ныне покойный отец прочил ему в жены, — она оказывается сводной сестрой Коринны. Не в силах пережить эту трагедию, Коринна чахнет и умирает. Охваченный отчаянием Освальд, лишь руководствуясь чувством долга, со временем возвращается к той жизни, которая была предначертана ему от рождения. Де Сталь не проясняет вопрос о том, простил ли он себе произошедшее, смирился ли с заурядной

(4) Этим романом восхищался Генрик Ибсен; к тому же он послужил ему путеводителем в путешествии по Италии [52, с. 83].

судьбой. Поэтому автор не порицает и не оправдывает своего героя, не выносит открытых моральных суждений.

В своей работе «О госпоже де Сталь и ее произведениях» Б. Констан назвал этот роман превосходным творением, которое открыло новую эру во французской литературе [12, с. 248; 44; 46]. Его внимание привлекает прежде всего сочетающийся в себе элементы идеализации и правдоподобия характер Коринны, воплощающий собой сам дух Италии. С момента первой встречи молодых людей их участь предрешена, замечает Констан: «Они не могут быть счастливы вместе, но не могут быть счастливы и врозь» [12, с. 253]. Но помыслы их были чисты, поэтому Констан считает роман произведением моральным.

Де Сталь внесла несомненный вклад в развитие поэтики и структуры романа как литературного жанра, сочетая любовную интригу с жизненным контекстом своего времени, наблюдениями психологического плана, размышлениями об искусстве, судьбе художника, различии национальных характеров и темпераментов [22]. Однако, на наш взгляд, «Дельфина» и «Коринна», при всей их внешней занимательности, лишены той глубины интроспекции и тонкого психологизма, который присущ роману «Адольф» Б. Констана. Представляется, что де Сталь как эстетик сильнее, убедительней и талантливее де Сталь — литератора, притом что в свое время ее романы пользовались большим успехом как во Франции, так и за рубежом, в том числе и в России, где она приобрела известность именно благодаря «Мелине», «Дельфине» и «Коринне», а также трудам «О Германии», «Десять лет в изгнании», «Рассуждения о главных событиях французской революции» [9]. Имя мадам де Сталь и ее героинь не раз звучит в «Евгении Онегине»: пушкинской Татьяне, как и юной Жермене, «Ей рано нравились романы; / Они ей заменяли все; / Она влюблялася в обманы / и Ричардсона, и Руссо» [25, с. 120]; она воображает себя «Кларисой, Юлией, Дельфиной» [25, с. 123]. В отечественной пушкинистике досконально изучены многообразные оттенки отношения поэта к различным аспектам творчества французской писательницы [35; 36, с. 178—179, 193—195, 198, 208; 6; 39; 2]. Так, в строфе IX белой рукописи «Евгения Онегина» есть строки «Нас пыл сердечный рано мучит. / Очаровательный обман, / Любви нас не природа учит, / А Сталь

или Шатобриан» [24, с. 852]; в ожидании ответа на свое письмо Татьяне Онегин читает «без разбора», в том числе и «Madame de Staël» [25, с. 163]. В черновике строфы VI главы I Пушкин, имея в виду книгу «О Германии», говорит о Евгении: «Он знал немецкую словесность / По книге госпожи де Сталь» [37]. В духе той же книги описан Ленский, «Поклонник Канта и поэт / Он из Германии туманной / Привез учености плоды: / Вольнолюбивые мечты, / Дух пылкий и довольно странный, / Всегда восторженную речь / И кудри черные до плеч» [25, с. 116]. Образ импровизатора в «Египетских ночах», возможно, навеян Пушкину сценой импровизаций Коринны и бесталанного импровизатора-римлянина [10]. Некоторые мотивы произведений де Сталь ощутимы в пушкинском «Демоне» [5]. Образы Фауста и Мефистофеля в «Сценах из „Фауста“» сопоставимы с их трактовкой в книге «О Германии». Впечатления о пребывании госпожи де Сталь в России запечатлены в неоконченной повести Пушкина «Рославлев».

Определенное влияние на политические взгляды молодого Пушкина оказали либеральные идеи де Сталь — их отзвук ощутим в оде «Вольность», «Заметках по русской истории XVIII века»: в последних строках этого произведения Пушкин прямо упомянул ее имя. Характеризуя ее личность, он подчеркивал, что «Эту барыню удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Европа своего уважения...» [26, с. 686]. В письме к П.А. Вяземскому от 15 сентября 1825 года Пушкин писал: «M-me Staël наша — не тронь ее...» [6, с. 286].

Как и у Шатобриана и Констана, литературное творчество де Сталь во многом автобиографично. Ее героини своими чертами напоминают самого автора. Они умны, образованы, красноречивы, полны энтузиазма, самоотверженны, способны на сильные чувства. Однако все эти прекрасные качества не делают их счастливыми. Их страстная любовь наталкивается на непреодолимые препятствия и в итоге терпит крах. Но есть и некоторые отличия: Дельфина и Коринна — красавицы, чего, по свидетельствам современников, нельзя было сказать об их создательнице; внешность госпожи де Сталь не соответствовала принятым в ее окружении эталонам красоты («Дурна как черт и умна как ангел», отозвался о ней во время ее пребывания в России К.Н. Батюшков [1]). Правда, когда она воодушевлялась и начинала импровизировать — а импровизации

Илл. 8. Боровиковский В.Л.
Портрет Анны-Луизы-Жермены
де Сталь. 1812. Государственная
Третьяковская галерея. Москва

удавались ей лучше, чем заранее подготовленные выступления — от нее глаз нельзя было оторвать, настолько выразительным и вдохновенным становилось ее лицо. Блестящие интеллектуальные качества и невероятная энергетика делали ее царицей парижского высшего света.

В романах де Сталь нашли отражение некоторые перипетии ее личной жизни. Под давлением семьи ей пришлось отказаться от своего первого любовного увлечения, брак с бароном Эрихом Магнусом Сталь фон Гольштейном не был счастливым, развод с ним нанес ущерб ее репутации. Ее любовные увлечения были далеки от безмятежности. Особенно это относится к обсуждавшемуся и осуждавшемуся обществом многолетнему роману с Бенжаменом Констаном, отмеченному бурными перепадами чувств, громкими выяснениями отношений, эмоциональными взлетами и падениями, разрывами и примирениями [58]. У них были во многом противоположные темпераменты — для Жермены была неприемлема нерешительность Констана, его вечные колебания — то, что она считала его

Илл. 9. Маргерит
Жерар. Госпожа де
Сталь с дочерью. 1805.
Коллекция замка Коппе.
Женева

«женским» характером; он же называл ее «женщиной-мужчиной» за ее твердость, властность, тираническую доминантность⁽⁵⁾. Играло свою роль и давление общественного мнения, осуждавшего их связь. При всем том интеллектуальное содружество двух талантливых литераторов и мыслителей оставалось неизменным. Этот тип отношений наложил свой отпечаток на коллизии любовных переживаний героев в романах де Сталь. Все ее героини морально сильнее своих возлюбленных.

У Жермены де Сталь и Бенжамена Констана была общая дочь — Альбертина. Всего же госпожа де Сталь произвела на свет шестерых

(5) П.А. Вяземский обрисовал многогранную личность госпожи де Сталь в стихотворении «Библиотека»: «Плутарховых времен достойная Коринна, / По сердцу женщина и по душе мужчина, / Философ мудростью и пламенем поэт, / Восторгов для тебя в нас недоступных нет...» [7]. Н.М. Карамзин, по достоинству оценивавший интеллектуальные способности мадам де Сталь, в то же время не без снисходительной иронии писал П.А. Вяземскому 27 июня 1818 года: «Соглашусь с Вами, что Mme Сталь достойна носить штаны на том свете» [20]. См. также: [1; 49; 58].

детей — две девочки умерли в младенчестве, один из сыновей был убит на дуэли в возрасте тридцати одного года. Последний сын от второго мужа был рожден Жерменой, когда ей было сорок шесть лет.

Описание перипетий любовных переживаний в романах де Сталь существенно обогащается анализом любовного чувства в ее книге «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (издана в 1796), написанной до «Дельфины» и «Коринны» под влиянием ее романтических отношений с бывшим военным министром Франции графом Луи де Нарбонном. Она посвятила одну из глав этого труда (глава «О любви» и предисловие к ней) именно романтическим чувствам и признавалась, что при его написании опиралась только на свои личные впечатления. Любовь как подлинная страсть души в ее представлении — отнюдь не радостно-безмятежное лучезарное чувство. Она потрясает охваченные ею чувствительные сердца, и они находят в самих себе источник неразрешимых конфликтов. Задолго до возникших более столетия спустя психоаналитических идей о неразлучности Эроса и Танатоса де Сталь пишет о фатальной близости любви и смерти с романтических позиций. Любовь — отнюдь не обычное переживание, это страсть, способная вызвать столь глубокие страдания, что мысль о смерти становится почти неотделимой от картины любви: «В душе живет глубокое убеждение, что за любовью следует небытие, ничто не может заменить пережитого, и это убеждение заставляет думать о смерти даже в самые счастливые минуты любви» [32, с. 368]. Поэтому любовь является наиболее роковой из всех страстей для счастья человека — ведь ее утрата обрекает душу на переход от жизни к смерти, невыносимое страдание, единственное средство от которого — самоубийство; в случае же измены любимого существа кажется, что мучительная мысль об этом будет преследовать и в могиле.

Подлинная любовь — редкость, ибо это страсть, почти лишенная эгоизма, она недоступна тем, кто занят лишь собой (де Сталь не без иронии замечает, что есть больше людей, знающих законы Ньютона, чем истинную любовную страсть). Как и Шатобриан, рассуждавший о смутности страстей, де Сталь полагает, что в любовных переживаниях есть что-то смутное, никак не сочетающееся с веселостью: любовь, когда она страсть, всегда ведет к меланхолии. Так же, как и Шатобриан, она полагает, что в античности не было полного представления об этом чувстве: Федра находилась во власти рока, Анакреонта

Илл. 10. Гермини Дегерен. Луи-Мари-Жак-Амальрик, граф де Нарбон-Лара, дивизионный генерал. 1838. Музей Армии. Дворец Инвалидов. Париж

вдохновляла чувственность. Любовь представляла либо в наиболее грубой форме, либо настолько неотделимой от сладострастия или неистовства, что это походило скорее на искусственное изображение, чем на подлинное чувство, было скорее болезнью, чем страстью души. Лишь Дидона пережила любовь как страсть. В более поздние времена итальянцы настолько опоэтизировали любовь, что все их чувства предстают в виде образов, которые воспринимаются скорее глазами, чем сердцем. Другое дело «Юлия, или Новая Элоиза» Руссо, «Танкред» Вольтера, «Страдания юного Вертера» Гёте, английские поэты-сентименталисты, последователи Оссиана — они передают глубокую чувствительность, свойственную любви: «Я рассматриваю любовь лишь в ее связи с чувствительностью, ибо только чувствительность делает из этой склонности страсть» [32, с. 368]. Только чувствительный человек способен найти в этой страсти нечто особое, глубинное, что вдохновляет полет мысли и побуждает к самопожертвованию.

Страстная любовь мыслится де Сталь как полное принесение себя в жертву чувству, счастью и жизни другого человека, доставляющее высшее блаженство. Только в этом случае жизнь может стать прекрасной, увлекательной, положительной, определенной, бурной, яркой, полной радости и душевного подъема. Такая любовь, дающая возможность жить в другом человеке, дополняя себя в союзе с ним, дарует представление о рае, раздвигает границы человеческой жизни — ведь безграничные радости лежат лишь за пределами «я»: «в возвышенной и преданной любви все приносится в жертву, все ведет к самозабвению, а себялюбие лишь унижает»; «кажется, что никогда не отдаешь себя полностью тем, кого любишь, никогда окончательно не доказываешь, что не можешь существовать без них; что повседневные занятия, служба не утоляют жара души, потребности в самоотдаче, в том, чтобы полностью раскрыть себя другим <...> именно с чувством доверия плывут по жизни на всех парусах» [32, с. 364, 371]. Поэтому куда бы ни увлекала глубокая страсть, она не может увести с истинного пути добродетели, заключает де Сталь: описать же такую любовь, о которой можно только мечтать — величайшая победа гения.

В рассуждениях о любви, так же как и во многих других занимающих ее сферах, ощущается философский склад мышления госпожи де Сталь. Выражать отвлеченные идеи, полагает она, нужно «метафизическим» языком. Это одна из ее эстетических новаций, связанных с размышлениями о специфике романтического стиля в литературе. Под «метафизическим» языком де Сталь имеет в виду то, что описание духовных феноменов, в том числе и внутренней жизни литературных персонажей, должно отличаться в стилистическом отношении от описаний внешнего вещного мира. Эта мысль звучит в споре Коринны и Освальда о различиях поэтического и прозаического стиля: «Осознанные чувства требуют более метафизического выражения»⁽⁶⁾. В контексте литературно-эстетического творчества де Сталь в целом это идея имеет более широкое звучание — речь идет, по существу, о духовности искусства как такового.

К заслугам де Сталь как эстетика принадлежит разработка концепции соотношения классического и романтического искусства,

ставшая для французского романтизма одной из базовых. Она внесла существенный вклад в разработку эстетических аспектов теории литературы, проследив влияние на нее религиозных и нравственных установлений, политических и социальных факторов, а также обратного воздействия на них художественных идей. Де Сталь рассматривает французскую словесность в широком общеевропейском контексте, не приемля узконационалистических представлений о превосходстве всего французского, в том числе и в искусстве. Гёте считал книгу «О Германии» гигантским тараном, пробившим брешь в китайской стене предрассудков, разделявших два народа — и многим более, чем два, добавим мы сегодня.

Дистанцируясь от античности и выказывая приверженность средневековому искусству, де Сталь, в отличие от Шатобриана и Константа, не утрачивает связей с эстетической теорией и художественной практикой Просвещения, особенно руссоистскими идеями. В ее романах, повестях, пьесах, литературоведческих и культурологических трудах проводится магистральная мысль о свободе и достоинстве личности, реализации ее творческого потенциала, праве на выбор жизненного пути — это относится не только к мужчинам, но и к женщинам, что выходило за рамки традиционных представлений о роли женщины в семье и обществе. Сама личность госпожи де Сталь в этом плане — своего рода эстетический феномен, свидетельствующий о сложности реализации идей женской эмансипации во всех сферах жизни — от бытовой и политической до творческой.

Взгляд де Сталь как литератора, эстетика, общественного деятеля устремлен в будущее. Историческое развитие представляется ей как процесс постепенного, но непрерывного совершенствования. Применительно к искусству и эстетике романтизма такое совершенствование видится де Сталь в заботе как о художественной стороне произведений, созданных в новом ключе, так и в их приверженности нравственным, общественным и политическим идеалам, связанным с идеями свободы.

Творчество де Сталь в его целостности принесло ей общеевропейскую славу. Ее имя ассоциировалось с возникновением нового, романтического искусства. Как писал Ш. Сент-Бёв, «...внутри страны подготовлялась революция в сфере искусства. <...> Начали эту революцию г-н Шатобриан и М-м де Сталь — два великих писателя,

(6) «Les sentiments réfléchis exigent des expressions plus métaphysiques» [56, p. 174].

перед которыми мы испытываем равный восторг и имена которых привыкли упоминать рядом...» [28, с. 102].

Эстетику Жермены де Сталь венчает ее видение роли художественного творчества: «В жизни нам кажутся тягостными наши способности, и мы часто страдаем от того, что одиноки по своей природе посреди стольких людей, живущих с такой легкостью; но дар творчества исполняет хотя бы на миг все наши желания; у него есть свои сокровища и венцы, он представляет нашему взору чистые и сияющие картины идеального мира...» [33, с. 301]. Она не уставала подчеркивать, что отдельные красивые строки — это не поэзия; неисчерпаемый источник, дающий жизнь всем словам от первого до последнего: любовь, родина, вера, — заключен во вдохновении. Этот взгляд на сущность художественного творчества нашел отклик у продолжателей романтических традиций в искусстве всех его видов и жанров; не утрачивает он своего значения и сегодня для тех, кто чуток к тонкой организации эстетического сознания.

Эстетика раннего французского романтизма и ее литературные ипостаси. Жермена де Сталь

Список литературы:

- 1 Батюшков К.Н. Письмо Батюшковой А.Н., 9 августа 1812 г. Петербург // Батюшков К.Н. Сочинения в 3 т. Т. 3. СПб.: П.Н. Батюшков, 1886. С. 196–198.
- 2 Бокадорова Н.Ю. А.С. Пушкин и Жермена де Сталь как реформаторы литературной культуры // Философские науки. 1999. № 6. С. 28–36.
- 3 Бычков В.В. Символическая сущность искусства в романтической эстетике Фридриха Шлегеля // Художественная культура. 2021. № 1. С. 266–287.
- 4 Ванслов В.В. Эстетика романтизма. М.: Искусство, 1966. 397 с.
- 5 Вацуро В.Э. К генезису пушкинского «Демона» // Сравнительное изучение литератур: Сборник статей к 80-летию акад. М.П. Алексеева. Л.: Наука, 1976. С. 253–259.
- 6 Вольперт Л.И. А.С. Пушкин и госпожа де Сталь: к вопросу о политических взглядах Пушкина до 1825 г. // Французский ежегодник – 1972. М.: Наука, 1974. С. 286–303.
- 7 Вяземский П.А. Библиотека // Литературный музей. М.: Издание Александра Ширяева, 1827. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Библиотека_\(Вяземский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Библиотека_(Вяземский)) (дата обращения 17.12.2020).
- 8 Дурьлин С.Н. Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Русская культура и Франция. III. Литературное наследство. Т. 33/34. М.: АН СССР, Институт литературы (Пушкинский Дом), 1939. С. 215–330.
- 9 Заборов П.Р. Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. М.П. Алексеев. М.: Наука, 1972. С. 168–211.
- 10 Казанович Е.П. К источникам «Египетских ночей» // Звенья. Т. 3/4. М.-Л.: Academia, 1934. С. 190–191.
- 11 Констан Б. Моя жизнь // Констан Б. Проза о любви / Перевод, составление, вступительная статья и комментарии В.А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2006. URL: <https://www.livelib.ru/book/100015412-adolf-proza-o-lyubvi-sbornik-benzhamen-konstan> (дата обращения 11.11.2020).
- 12 Констан Б. О госпоже де Сталь и ее произведениях // Эстетика раннего французского романтизма / Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Мильчиной. М.: Искусство, 1982. С. 248–257.
- 13 Констан Б. О Тридцатилетней войне. О трагедии Шиллера «Валленштейн» и немецком театре // Эстетика раннего французского романтизма / Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Мильчиной. М.: Искусство, 1982. С. 257–280.
- 14 Констан Б. Размышления о трагедии // Эстетика раннего французского романтизма / Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Мильчиной. М.: Искусство, 1982. С. 280–307.
- 15 Корнилова Е.Н. Руссоизм как философское обоснование романтических мифологем и Ж. де Сталь // Другой XVIII век: Сборник научных работ / Отв. ред. Н.Т. Пахарьян. М.: Экон-Информ, 2002. С. 257–264.
- 16 Любарец С.Н. Идея мировой литературы в творчестве Жермены де Сталь. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск, 1994. 153 с.
- 17 Любарец С.Н. Эстетика Жермены де Сталь в контексте эпохи Просвещения // XVIII век: Литература в контексте культуры: Сборник научных работ. М.: Издательство УРАО, 1999. С. 23–30.
- 18 Маньковская Н.Б. Раннеромантическая эстетическая теория и художественная практика Бенжамена Констан // Художественная культура. 2021. № 1. С. 8–47.

- 19 *Маньковская Н.Б.* У истоков французского романтизма. Эстетические взгляды Рене де Шатобриана // *Художественная культура*. 2020. № 3. С. 8–43.
- 20 *Мильчина В.А.* Достойна носить штаны на том свете. 10 фактов о госпоже де Сталь. URL: <https://gorky.media/context/dostojna-nosit-shtany-na-tom-svete/> (дата обращения 14.12.2020).
- 21 *Нужная Т.В.* Пейзажное пространство в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» // *Научный диалог*. 2017. № 1. С. 97–104.
- 22 *Нужная Т.В.* Поэтика романов Ж. де Сталь. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб., 2004. 166 с.
- 23 Письма Н.М. Карамзина к кн. П.А. Вяземскому // *Старина и новизна*. Кн. 1. СПб: Издания Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III, 1897. С. 1–205.
- 24 *Пушкин А.С.* Варианты. Евгений Онегин // *Пушкин А.С. Сочинения* / Редакция, биографический очерк и примечания Б.В. Томашевского. 2-е изд. Л.: *Художественная литература*, 1958. С. 852–860.
- 25 *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // *Пушкин А.С. Сочинения* / Редакция, биографический очерк и примечания Б.В. Томашевского. 2-е изд. Л.: *Художественная литература*, 1958. С. 106–165.
- 26 *Пушкин А.С.* О г-же де Сталь и о г. А. М-ве, 1825 // *Пушкин А.С. Сочинения* / Редакция, биографический очерк и примечания Б.В. Томашевского. 2-е изд. Л.: *Художественная литература*, 1958. С. 685–686.
- 27 *Ржигла В.Ф.* Пушкин и мемуары M-me de Staël о России // *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук*. 1914. Т. XIX. Кн. 2. С. 47–67.
- 28 *Сент-Бёв Ш.* Литературные портреты. Критические очерки / Перевод, вступительная статья и комментарии М.С. Трескунова. М.: *Художественная литература*, 1970. 582 с.
- 29 *Сорель А., Вайнштейн С.* Мадам де Сталь / Ред. Э. Артемьева-Скворцова. М.: *Книговек*, 2018. 496 с.
- 30 *Сталь Ж., де.* Десять лет в изгнании / Перевод, статьи, коммент. В.А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2003. 532 с.
- 31 *Сталь Ж., де.* Коринна, или Италия / Перевод М. Черневич. М.: Эксмо, 2014. 608 с.
- 32 *Сталь Ж., де.* О влиянии страстей на счастье людей и народов / Перевод Е.П. Гречаной // *Литературные манифесты западноевропейских романтиков* / Под редакцией А.С. Дмитриева. М.: *Издательство Московского университета*, 1980. С. 363–374.
- 33 *Сталь Ж., де.* О Германии / Перевод Е.П. Гречаной // *Литературные манифесты западноевропейских романтиков* / Под редакцией А.С. Дмитриева. М.: *Издательство Московского университета*, 1980. С. 383–391.
- 34 *Сталь Ж., де.* О литературе и ее связи с общественными установлениями / Перевод Е.П. Гречаной // *Литературные манифесты западноевропейских романтиков* / Под редакцией А.С. Дмитриева. М.: *Издательство Московского университета*, 1980. С. 374–383.
- 35 *Томашевский Б.В.* Заметки о Пушкине. II. «Кинжал» и m-me de Staël // *Пушкин и его современники. Материалы и исследования*. Вып. XXXVI–XXXVII. Петроград–Ленинград: АН СССР, 1923–1928. С. 78–95.
- 36 *Томашевский Б.В.* Пушкин и Франция. Л.: *Советский писатель*, 1960. 500 с.
- 37 *Томашевский Б.В., Вольперт Л.И.* Сталь // *Пушкин: Исследования и материалы*. Т. XVIII / XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). СПб.: *Наука*, 2004. С. 318–320.
- 38 *Шатобриан Ф.Р., де.* Гений христианства / Перевод О.Е. Гринбер // *Эстетика раннего французского романтизма* / Сост., вступ. статья и коммент. В.А. Мильчиной. М.: *Искусство*, 1982. С. 94–220.

Эстетика раннего французского романтизма и ее литературные ипостаси. Жермена де Сталь

- 39 *Эдельштейн Б.* Жермена Сталь в прочтении Пушкина и пушкинских героев // *Труды Горьковского государственного педагогического института*. 1968. Т. 12. С. 133–139.
- 40 Эпоха романтизма / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: *Наука*, 1975. 284 с.
- 41 *Aubouin M.* Madame de Staël ou l'Intelligence Politique. Sa Pensée, ses Amis, ses Amants, ses Ennemis... Paris: Omnibus, 2017. 576 p.
- 42 *Bordoni S.* From Madame de Staël to Lord Byron: The Dialectics of European Romanticism // *Literature Compass*. 2006, November. № 1 (4). p. 134–149.
- 43 *Bredin J.-D.* Une Singulière Famille: Jacques Necker, Suzanne Necker et Germaine de Staël. Paris: Fayard, 1999. 453 p.
- 44 *Dejob C.* Madame de Staël et l'Italie. Paris: Armand Colin et Cie, 1890. 267 p.
- 45 *Fontana B.* Germaine de Staël: A Political Portrait. Princeton: Princeton University Press, 2016. 312 p.
- 46 *Gennari G.* Le Premier Voyage de M-me de Staël en Italie et la Gènes de «Corinne». Paris: Bolvin, 1947. 259 p.
- 47 *Gautier p.* M-me de Stael et Napoléon. Paris: Plon, 1903. 422 p.
- 48 *Goodden A.* Madame de Staël: the Dangerous Exile. London: Kindle Edition, 2008. 339 p.
- 49 *Goodden A.* The Man-Woman and the Idiot: Madame de Staël's Public / Private Life // *Forum for Modern Language Studies*. 2007. № 1 (43). p. 34–45.
- 50 *Herold J.C.* Mistress to an Age: A Life of Madame de Staël. New Haven: Yale University Press, 1958. 500 p.
- 51 *Hofmann É.* Ed. Benjamin Constant, Madame de Staël et le Groupe de Coppet: Actes du Deuxième Congrès de Lausanne à l'Occasion du 150e Anniversaire de la Mort de Benjamin Constant et du Troisième Colloque de Coppet, 15–19 juillet 1980. Oxford, Lausanne: Voltaire Foundation, Institut Benjamin Constant, 1982. 573 p.
- 52 *Moi T.* Henrik Ibsen and the Birth of Modernism: Art, Theater, Philosophy. London: Oxford University Press, 2006. 416 p.
- 53 *Pikulik L.* Frühromantik: Epoche, Werke, Wirkung. München: Beck, 1992. 345 p.
- 54 *Plessix Gray F., de.* Madame de Staël. N. Y.: Atlas and Co., 2008. 248 p.
- 55 *Wilkes J.* Lord Byron and Madame de Staël: Born for Opposition. London: Ashgate, 1999. 210 p.
- 56 *Stael G., de.* Corinne ou l'Italie. Paris: Folio, 1985. 627 p.
- 57 *Staël G., de.* Delphine / Ed. B. Didier. In 2 vols. Paris: Garnier-Flammarion, 2000. 469 p.
- 58 *Winegarten R.* Germaine de Staël and Benjamin Constant: A Dual Biography. New Haven: Yale University Press, 2008. 352 p.

References:

- 1 Batyushkov K.N. Pis'mo Batyushkovo A.N., 9 avgusta 1812 g. Peterburg [Letter to Batyushkova A.N., August 9, 1812. Petersburg]. Batyushkov K.N. *Sochineniya* [Essays]. In 3 vols. Vol. 3. St. Petersburg, P.N. Batyushkov Publ., 1886, pp. 196–198. (In Russ.)
- 2 Bokadorova N.Yu. A.S. Pushkin i Zhermena de Stal' kak reformatory literaturnoj kul'tury [A.S. Pushkin and Germaine de Stael as Reformers of Literary Culture]. *Filosofskie nauki*, 1999, no. 6, pp. 28–36. (In Russ.)
- 3 Bychkov V.V. Simvolichesкая sushchnost' iskusstva v romanticheskoj estetike Fridriha Shlegelya [The Symbolic Essence of Art in the Romantic Aesthetics of Friedrich Schlegel]. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2021, no. 1, pp. 266–287. (In Russ.)
- 4 Vanslov V.V. *Estetika romantizma* [Aesthetics of Romanticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1966. 397 p. (In Russ.)
- 5 Vacuro V.E. K genezisu pushkinskogo "Demona" [To the Genesis of Pushkin's "Demon"]. *Sravnitel'noe izučenie literatur: Sbornik statej k 80-letiju akad. M.P. Alekseeva* [Comparative Study of Literature: A Collection of Articles for the 80th Anniversary of the Acad. M.P. Alekseev]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 253–259. (In Russ.)
- 6 Vol'pert L.I. A.S. Pushkin i gospozha de Stal': k voprosu o politicheskikh vzglyadah Pushkina do 1825 g. [A.S. Pushkin and Madame de Stael: On the Question of Pushkin's Political Views up to 1825]. *Francuzskij ezhegodnik – 1972* [French Yearbook – 1972]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 286–303. (In Russ.)
- 7 Vyazemskij P.A. Biblioteka [Library]. *Literaturnyj muzeum* [Literary Museum]. Moscow, Izdanie Aleksandra Shiryayeva Publ., 1827. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Библиотека_\(Вяземский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Библиотека_(Вяземский)) (accessed 17.12.2020).
- 8 Durylin S.N. G-zha de Stal' i ee russkie otnosheniya [Ms. De Stael and her Russian Relations]. *Russkaya kul'tura i Franciya. III. Literaturnoe nasledstvo* [Russian Culture and France. III. Literary Heritage]. Vol. 33/34. Moscow, AN SSSR, Institut literatury (Pushkinskij Dom) Publ., 1939, pp. 215–330. (In Russ.)
- 9 Zaborov P.R. Zhermena de Stal' i russkaya literatura pervoj treti XIX veka [Germaine de Stael and Russian Literature of the first third of the 19th century]. *Rannie romanticheskie veyaniya: Iz istorii mezhdunarodnyh svyazej russkoj literatury* [Early Romantic Trends: From the History of International Relations of Russian Literature], ed. M.P. Alekseev. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 168–211. (In Russ.)
- 10 Kazanovich E.P. K istochnikam "Egipetskih nochej" [To the Sources of "Egyptian Nights"]. *Zven'ya*. Vol. 3/4. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1934, pp. 190–191. (In Russ.)
- 11 Konstan B. Moya zhizn' [My Life]. Konstan B. *Proza o lyubvi* [Prose about Love], transl., comp., introd. article and comments V.A. Milchina. Moscow, OGI Publ., 2006. Available at: <https://www.livelib.ru/book/100015412-adolf-proza-o-lyubvi-sbornik-benzhamen-konstan> (accessed 11.11.2020).
- 12 Konstan B. O gospozhe de Stal' i ee proizvedeniyah [About Madame de Stael and her Works]. *Estetika rannego francuzskogo romantizma* [Aesthetics of Early French Romanticism], comp., introd. article and comment. V.A. Milchina. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, pp. 248–257. (In Russ.)
- 13 Konstan B. O Tridcatiletnej vojne. O tragedii Shillera "Vallenshtejn" i nemeckom teatre [About Thirty Years' War. About Schiller's Tragedy "Wallenstein" and the German Theater]. *Estetika rannego francuzskogo romantizma* [Aesthetics of Early French Romanticism], comp., introd. article and comment. V.A. Milchina. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, pp. 257–280. (In Russ.)
- 14 Konstan B. Razmyshleniya o tragedii [Reflections on the Tragedy]. *Estetika rannego francuzskogo romantizma* [Aesthetics of Early French Romanticism], comp., introd. article and comment. V.A. Milchina. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, pp. 280–307. (In Russ.)
- 15 Kornilova E.N. Russoizm kak filosofskoe obosnovanie romanticheskikh mifologem i Zh. De Stal' [Russoism as a Philosophical Justification of Romantic Mythologems and G. de Stael]. *Drugoj XVIII vek: Sbornik nauchnyh rabot* [Other 18th Century: Collection of Scientific Papers], ed. N.T. Pahsaryan. Moscow, Ekon-Info Publ., 2002, pp. 257–264. (In Russ.)
- 16 Lyubarec S.N. *Ideya mirovoj literatury v tvorchestve Zhermeny de Stal'* [The Idea of World Literature in the Work of Germaine de Stael]. Diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. filolog. nauk. Izhevsk, 1994. 153 p. (In Russ.)
- 17 Lyubarec S.N. Estetika Zhermeny de Stal' v kontekste epohi Prosveshcheniya [Aesthetics of Germaine de Stael in the Context of the Age of Enlightenment]. *XVIII vek: Literatura v kontekste kul'tury: Sbornik nauchnyh rabot* [18th Century: Literature in the Context of Culture: A Collection of Scientific Papers]. Moscow, Izdatel'stvo URAO Publ., 1999, pp. 23–30. (In Russ.)
- 18 Man'kovskaya N.B. Ranneromanticheskaya esteticheskaya teoriya i hudozhestvennaya praktika Benzhamena Konstana [Early Romantic Aesthetic Theory and Artistic Practice of Benjamin Constant]. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2021, no. 1, pp. 8–47. (In Russ.)
- 19 Man'kovskaya N.B. U istokov francuzskogo romantizma. Esteticheskie vzglyady Rene de Shatobriana [At the Origins of French Romanticism. Aesthetic Views of Rene de Chateaubriand]. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2020, no. 3, pp. 8–43. (In Russ.)
- 20 Mil'china V.A. *Dostojna nosit' shtany na tom svete. 10 faktov o gospozhe de Stal'* [Is Worthy to Wear Pants in the Next World. 10 Facts about Madame de Stael]. Available at: <https://gorky.media/context/dostojna-nosit-shtany-na-tom-svete/> (accessed 14.12.2020).
- 21 Nuzhnaya T.V. Pejzazhnoe prostranstvo v romane Zh. de Stal' "Korinna, ili Italiya" [Landscape Space in the Novel of G. de Stael "Corinna, or Italy"]. *Nauchnyj dialog*, 2017, no. 1, pp. 97–104. (In Russ.)
- 22 Nuzhnaya T.V. *Poetika romanov Zh. de Stal'* [Poetics of the Novels of G. de Stael]. Diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. filolog. nauk. St. Petersburg, 2004. 166 p. (In Russ.)
- 23 Pis'ma N.M. Karamzina k kn. P.A. Vyazemskomu [Letters of N.M. Karamzin to Duke P.A. Vyazemsky]. *Starina i novizna* [Old and New]. Book 1. St. Petersburg, Izdaniya Obshchestva revnitelej russkogo istoricheskogo prosveshcheniya v pamyat' Imperatora Aleksandra III Publ., 1897, pp. 1–205. (In Russ.)
- 24 Pushkin A.S. Varianty. Evgenij Onegin [Variants. Eugene Onegin]. Pushkin A.S. *Sochineniya* [Essays], ed., biographical sketch and notes B.V. Tomashevsky. 2nd ed. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1958, pp. 852–860. (In Russ.)
- 25 Pushkin A.S. Evgenij Onegin [Eugene Onegin]. Pushkin A.S. *Sochineniya* [Essays], ed., biographical sketch and notes B.V. Tomashevsky. 2nd ed. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1958, pp. 106–165. (In Russ.)
- 26 Pushkin A.S. O g-zhe de Stal' i g. A. M-ve, 1825 [About M-me de Stael and Mr. A. M-me, 1825]. Pushkin A.S. *Sochineniya* [Essays], ed., biographical sketch and notes B.V. Tomashevsky. 2nd ed. Leningrad, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1958, pp. 685–686. (In Russ.)
- 27 Rzhiga V.F. Pushkin i memuary M-me de Staël o Rossii [Pushkin and Memoirs of M-me de Staël about Russia]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*, 1914, vol. XIX, book 2, pp. 47–67 (In Russ.)
- 28 Sent-Byov Sh. *Literaturnye portrety. Kriticheskie ocherki* [Literary Portraits. Critical Essays], transl., introd. article and comments M.S. Treskunov. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1970. 582 p. (In Russ.)
- 29 Sorel' A., Vajnshtejn S. *Madame de Stal'* [Madame de Stael], ed. E. Artem'eva-Skvorcova. Moscow, Knigovek Publ., 2018. 496 p. (In Russ.)

- 30 Stael G., de. *Desyat' let v izgnanii* [Ten Years in Exile], transl., articles, comments V.A. Milchina. Moscow, OGI Publ., 2003. 532 p. (In Russ.)
- 31 Stael G., de. *Korinna, ili Italiya* [Corinna, or Italy], transl. M. Chernevich. Moscow, Eksmo Publ., 2014. 608 p. (In Russ.)
- 32 Stael G., de. O vliyaniy strastej na schast'e lyudej i narodov [On the Influence of Passions on the Happiness of People and Peoples], transl. E.P. Grechana. *Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov* [Literary manifestos of Western European Romantics], ed. A.S. Dmitriev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1980, pp. 363–374. (In Russ.)
- 33 Stael G., de. O Germanii [About Germany], transl. E.P. Grechana. *Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov* [Literary manifestos of Western European Romantics], ed. A.S. Dmitriev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1980, pp. 383–391. (In Russ.)
- 34 Stael G., de. O literature i ee svyazi s obshchestvennymi ustanovleniyami [About Literature and Its Relation to Social Institutions], transl. E.P. Grechana. *Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov* [Literary manifestos of Western European Romantics], ed. A.S. Dmitriev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1980, pp. 374–383. (In Russ.)
- 35 Tomashevskij B.V. Zаметki o Pushkine. II. "Kinzhali" i m-me de Staël [Notes about Pushkin. II. "Dagger" and m-me de Staël]. *Pushkin i ego sovremenniki. Materialy i issledovaniya* [Pushkin and His Contemporaries. Materials and Research]. Issue XXXVI–XXXVII. Petrograd–Leningrad, AN SSSR Publ., 1923–1928, pp. 78–95. (In Russ.)
- 36 Tomashevskij B.V. *Pushkin i Franciya* [Pushkin and France]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1960. 500 p. (In Russ.)
- 37 Tomashevskij B.V., Vol'pert L.I. Stal' [Stael]. Puskin: Issledovaniya i materialy [Pushkin: Research and Materials]. Vol. XVIII / XIX. *Pushkin i mirovaya literatura. Materialy k "Pushkinskoj enciklopedii"* [Pushkin and World Literature. Materials for the "Pushkin Encyclopedia"], RAN, Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom). St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 318–320.
- 38 Shatobrian F.R., de. Genij hristianstva [The Genius of Christianity]. *Estetika rannego francuzskogo romantizma* [Aesthetics of Early French Romanticism], comp., introd. article and comment. V.A. Milchina. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, pp. 94–220. (In Russ.)
- 39 Edel'shtein B. Zhermena Stal' v prochtenii Pushkina i pushkinskih geroev [Germaine Stael in the Reading of Pushkin and Pushkin's Heroes]. *Trudy Gorijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Proceedings of the Gori State Pedagogical Institute], 1968, vol. 12, pp. 133–139. (In Russ.)
- 40 *Epoха romantizma* [The Epoch of Romanticism], ed. M.P. Alekseev. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 284 p. (In Russ.)
- 41 Aubouin M. *Madame de Staël ou l'Intelligence Politique*. Sa Pensée, ses Amis, ses Amants, ses Ennemis... Paris, Omnibus, 2017. 576 p.
- 42 Bordoni S. From Madame de Staël to Lord Byron: The Dialectics of European Romanticism. *Literature Compass*, 2006, November, no. 1 (4), pp. 134–149.
- 43 Bredin J.-D. *Une Singulière Famille: Jacques Necker, Suzanne Necker et Germaine de Staël*. Paris, Fayard, 1999. 453 p.
- 44 Dejob C. *Madame de Staël et l'Italie*. Paris, Armand Colin et Cie, 1890. 267 p.
- 45 Fontana B. *Germaine de Staël: A Political Portrait*. Princeton, Princeton University Press, 2016. 312 p.
- 46 Gennari G. *Le Premier Voyage de M-me de Staël en Italie et la Génèse de "Corinne"*. Paris, Bolvin, 1947. 259 p.
- 47 Gautier p. *M-me de Stael et Napoléon*. Paris, Plon, 1903. 422 p.
- 48 Goodden A. *Madame de Staël: the Dangerous Exile*. London, Kindle Edition, 2008. 339 p.
- 49 Goodden A. The Man-Woman and the Idiot: Madame de Staël's Public / Private Life. *Forum for Modern Language Studies*, 2007, no. (43), pp. 34–45.

Эстетика раннего французского романтизма и ее литературные ипостаси. Жермена де Сталь

- 50 Herold J.C. *Mistress to an Age: A Life of Madame de Staël*. New Haven, Yale University Press, 1958. 500 p.
- 51 Hofmann É., ed. Benjamin Constant, Madame de Staël et le Groupe de Coppet. *Actes du Deuxième Congrès de Lausanne à l'Occasion du 150e Anniversaire de la Mort de Benjamin Constant et du Troisième Colloque de Coppet, 15–19 juillet 1980*. Oxford, Lausanne, Voltaire Foundation, Institut Benjamin Constant, 1982. 573 p.
- 52 Moi T. *Henrik Ibsen and the Birth of Modernism: Art, Theater, Philosophy*. London, Oxford University Press, 2006. 416 p.
- 53 Pikulik L. *Frühromantik: Epoche, Werke, Wirkung*. München, Beck, 1992. 345 p.
- 54 Plessix Gray F., de. *Madame de Staël*. N. Y., Atlas and Co., 2008. 248 p.
- 55 Wilkes J. *Lord Byron and Madame de Staël: Born for Opposition*. London, Ashgate, 1999. 210 p.
- 56 Stael G., de. *Corinne ou l'Italie*. Paris, Folio, 1985. 627 p.
- 57 Staël G., de. *Delphine*, ed. B. Didier. In 2 vols. Paris, Garnier-Flammarion, 2000. 469 p.
- 58 Winegarten R. *Germaine de Staël and Benjamin Constant: A Dual Biography*. New Haven, Yale University Press, 2008. 352 p.